

DOI: 10.25178/nit.2020.1.11

Семантика вторичных форм, образованных на основе причастий на *-быт* и *-ган* в якутском и тувинском языках*

Гаврил Г. Филиппов

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Российская Федерация,

Байлак Ч. Ооржак

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье представлен сравнительный анализ вторичных форм, возникших на основе семантически и функционально соотносимых причастных форм на *-быт* и *-ган* в якутском и тувинском языках. Формы на *-быт* и *-ган* занимают важное место в глагольных системах. Как наиболее яркие типичные тюркские причастия, сохраняя свои собственно причастные функции, и, выступая в предложении в качестве определения, они также употребляются как сказуемые в главной и зависимой частях предложения. В своей предикативной функции формы на *-быт* и *-ган* выделяются в числе основных показателей прошедшего времени. Эти формы дополнительно обладают значениями результативности и временной дистанции отдаленного действия. В сочетании с различными аффиксами, служебными словами и определенными вспомогательными глаголами формы на *-быт* и *-ган* образуют ряд синтетических и аналитических вторичных форм.

Семантическое устройство систем вторичных финитных форм, сложившихся на основе форм *-быт* и *-ган* в якутском и тувинском языках показывают направление дальнейшего развития их базовой семантики в этих языках. В якутском языке во вторичных 12 формах на основе *-быт* актуализируются значения временной дистанции отдаленности обозначаемого действия во времени, достоверности действия в прошедшем и, как переосмысление значения перфективности — появляются значения пересказывательности и адмиратива. В тувинском языке значения миративности, косвенной эвиденциальности также получили развитие в 4-ех вторичных формах, образованных с участием формы на *-ган*.

Вторичные аналитические структуры на *-быт эт-* и *-ган* с «бытийными» вспомогательными глаголами регулярно передают значения прошедшего относительного и давнепрошедшего времени, отражая общую тенденцию формирования системы относительных времен, как и в других тюркских языках. Характерную для многих тюркских языков грамматикализацию семантики притворного действия (симуляции) действия выражают сочетания причастий *-быт/-ган* со вспомогательными глаголами *буол/-бол-*.

Ключевые слова: якутский язык; тувинский язык; причастие; вторичная форма; временная дистанция; достоверность; перфективность; миративность; косвенная эвиденциальность; относительное время

* Работа выполнена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Государственного задания Министерства образования и науки РФ № 1.4539.2017/8.9 (проект № 34.3876.2017/ПЧ).

Для цитирования:

Филиппов Г. Г., Ооржак Ч. Семантика вторичных форм, образованных на основе причастий на *-быт* и *-ган* в якутском и тувинском языках [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/916> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.11

Филиппов Гаврил Гаврильевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры якутского языка Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Адрес: 677000, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Белинского, 58. Тел.: +7 (968) 157-12-02. Эл. адрес: filippovgg@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6212-7099

Ооржак Байлак Чаш-ооловна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра «Тюркология» Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Тел.: +7 (913) 341-69-22. Эл. адрес: oorzhak.baylak@mail.ru ORCID ID: 0000-0001-8373-9107

Filippov Gavril Gavril'evich, Doctor of Philology, Professor, Department of Yakut Language, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, North-Eastern Federal University. Postal address: 58 Belinskogo st., Yakutsk, 58677000, Russian Federation. Tel.: +7 (968) 157-12-02. E-mail: filippovgg@mail.ru

Oorzhak Bajlak Chash-oolovna, Doctor of Philology, Leading Researcher, Scientific and educational center "Turkology", Tuvan State University. Postal address: 36 Lenina st., Kyzyl, 667000, Russian Federation. Tel.: +7 (913) 341-69-22. E-mail: oorzhak.baylak@mail.ru

Semantics of the secondary forms based on the participles on *-byt* and *-gan* in the Yakut and Tuvan languages*

Gavril G. Filippov

North-Eastern Federal University, Russian Federation,

Bailak Ch. Oorzhak

Tuvan State University, Russian Federation

The article presents a comparative analysis of secondary forms that are based on semantically and functionally correlated participial forms in the Yakut and Tuvan languages. The forms ending in *-byt* and *-gan* occupy an important place in the verbal systems of the Yakut and Tuvan languages. In addition, these most striking typical Turkic participles, while retaining their proper participial functions, and acting in the sentence as a modifier, are used as a predicate in the main and dependent parts of the sentence. In their predicative function, they stand out among the main indicators of the past tense. These forms have the additional performance values and the temporal distance of the distant action. In combination with various affixes, service words and certain auxiliary verbs, the *-byt* and *-gan* forms create a number of synthetic and analytical secondary structures.

The semantic structure of the system of secondary finite forms based on the *-byt* and *-gan* forms in the Yakut and Tuvan languages shows the direction of further development of their basic semantics in these languages. In the Yakut language, the 12 secondary *-byt* actualize the semantics of temporal distance, and the reliability of actions in the past. As a result, the meaning of the perfect is rethought to add the semantics of retelling and the admirative. In the Tuvan language, the meanings of mirativity, or indirect evidentiality, also developed into 4 secondary which make use of the *-gan* form.

Secondary analytical structures combining the *et-*, *-byt* and *-gan* with auxiliary verbs of being regularly convey the meaning of the past relative and plusquamperfect, reflecting the general trend of building the system of relative tenses similar to the ones in other Turkic languages. Combinations of participles express grammaticalization of semantics of pretended action in *-byt* and *-gan* with auxiliary verbs *buol-* / *bol-*, which is typical for many Turkic languages.

Keywords: Yakut language; Tuvan language; participle; secondary forms; temporal distance; validity of action; perfectivity; mirativity; indirect evidentiality; relative time

* The work was performed in accordance with the research plan of the State task of the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation No. 1.4539.2017/8.9 (project No. 34.3876.2017/PCH).

For citation:

Filippov G. G. and Oorzhak B. Ch. Semantics of the secondary forms based on the participles on *-byt* and *-gan* in the Yakut and Tuvan languages. *The New Research of Tuva*. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/916> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2020.1.11

Введение

Причастие в тюркских языках является сугубо функциональной формой, истинная семантика которой проявляется в зависимости от ее функционирования и места в предложении. Сохранение в тюркском причастии древнего глагольно-именного синкретизма позволяет ему выступать в атрибутивно-номинативной функции в начале предложения и в предикативной функции в конце предложения. Причастие послужило основой развития первичных отглагольных существительных и прилагательных, а также современных функциональных глагольных форм. На базе причастий получила свое развитие и время-модальная система тюркских языков (Филиппов, 2014: 10–18).

Одним из основных причастий в системе глагола тюркских языков является древняя форма на *-mıç*. На территории Сибири ее сохраняет якутский язык в фонетически преобразованном варианте *-byt*. В тувинском и других языках Южной Сибири не имеется форма на *-mıç*, вместо нее распространена и активно функционирует причастная форма на *-gan*, привнесенная древними кыпчакскими языками. Обе формы выражают аналогичные значения — значение результативности с оттенком неопределенного прошедшего времени (Щербак, 1981: 94) — и признаются семантически параллельными. Они занимают важное место в глагольных системах якутского и тувинского языков. Наряду с их собственно причастными функциями они употребляются как предикативные формы

в числе основных показателей прошедшего времени; в сочетании с различными аффиксами, служебными словами и определенными вспомогательными глаголами они образуют вторичные формы. На базе формы на *-быт* в якутском языке сложилось 12 синтетических и аналитических форм с различными временными, модальными и видовыми значениями. Форма на *-ган* в тувинском языке дала развитие 4 формам со значениями миративности, косвенной эвиденциальности и модальности.

Целью статьи является сопоставление семантического объема вторичных форм, образованных на базе основных форм в глагольных системах якутского и тувинского языков на *-быт* и *-ган*, рассматриваемых как дальнейшее развитие их значений результативности и временной дистанции отдаленного действия. Тотальное сопоставление вторичных форм якутского и тувинского языков, возникших на базе показателей *-быт* и *-ган* проводится в тюркской лингвистике впервые.

Материалами исследования послужили примеры из текстов художественной литературы на якутском и тувинском языках, а также сконструированные самими авторами.

Семантика вторичных форм, образованных на основе формы на *-быт* в якутском языке

В якутском языке имеется пять типов спряжения глагола: 1) спряжение краткой формой сказуемости; 2) спряжение полной формой сказуемости; 3) спряжение формами, восходящими к аффиксам принадлежности; 4) спряжение новым аффиксом спряжения, образованным при стяжении формы *э-ти+краткий аффикс сказуемости*; 5) специальное спряжение форм повелительного наклонения (Филиппов, 2014: 326–345). Рассматриваемые здесь вторичные формы спрягаются по разным типам, и значение финитной формы глагола часто зависит от типа личного оформления, поскольку сами личные показатели обладают собственными модальными значениями, которые дополняют общее значение той или иной формы. Такие дополнительные модальные значения имеют следующие личные показатели: а) аффикс принадлежности обобщает, подтверждает, что действие действительно произошло или произойдет; б) аффикс сказуемости подтверждает, сообщает в момент речи результат действия; в) личное окончание, образованное от частицы *эт-*, подтверждает (свидетельствует), что до момента речи было уже известно о совершившемся действии. На базе формы на *-быт* при участии аффикса *-лаах*, связки *эт*, частицы *эбит* и слов *баар/суох* в якутском языке сложилось двенадцать форм.

1.1. Аналитическая форма на *-быт со связкой эт + (краткий) афф. сказуемости* выражает значение давнопрошедшего времени, имеет модальное значение обобщения и дополнительно — подтверждение о том, что действие было совершено и завершено. Последнее значение вносится связкой *этэ* — ‘было’ (*утуйбут этэ* — ‘уснувший был’ или ‘он уснул’; *суруйбут этинг* — ‘ты написавший был’ или ‘ты написал’).

Преимущественное употребление этой формы в главной части темпоральных бипредикативных конструкций, когда ею выражается обнаруженный и подтвержденный результат действия, которое уже имело место еще до момента его обнаружения в прошлом, относит временную семантику в плоскость относительного времени и определяет как преждепрошедшее время. Например: *Кини иккис рота позициятыгар тиийэн кэлбитэ, быһыы-майгы күчүмэҕэй буолбут этэ* (Эристиин, 1954: 135) — ‘Когда он прибыл, на позицию второй роты, обстановка уже была напряженной’.

1.2. В структуре показателя на *-быт с частицей эбит с аффиксом сказуемости* форма на *-быт* входит также в состав адмиративной частицы *эбит* ‘оказывается’. Ее семантика очень близка к значению вышеприведенной формы на *-быт+аффикс сказуемости*, которая, по-видимому, является результатом стяжения рассматриваемой аналитической формы.

Эта форма выражает значение обнаруживаемого впоследствии и выражаемого в момент речи результата однажды совершенного (эпизодического) действия, имевшего место задолго до момента речи. Например: *Мин эйигин таптаабатах эбиппин* — ‘Я, оказывается, не полюбил тебя’; *Эн бу кинигэни миигиттэн ылбыт эбиккин* — ‘Ты эту книгу, оказывается, взял у меня’.

1.3. Форма на *-быт с частицей үһү с аффиксом сказуемости* употребляется преимущественно в 3-м лице в повествовании в нарративе и особенно в фольклоре как форма повествования и пересказывания. Например: *Былыр туруйалаах саһыл доҕордоспуттара үһү* — ‘В старину журавль с лисицей было подружились’; *Былыр-былыр Бэйбэрикээн эмээхсин олорбута үһү* — ‘Давным давно жила была старуха Бэйбэрикээн’. Частица *үһү* вносит значение пересказывательности в выражении достоверного, эпизодического действия до момента речи с оттенками результативности. Например:

Эн Москубажа үөрэммит үһүгүн — ‘Ты, оказываешься, учился в Москве (говорят)’. Эн санааҕар мин бүгүн үлэлээбэтэх үһүбүн — ‘По-твоему (букв. по твоей мысли) я, оказываешься, не работал’.

1.4. Форма на **-быттаах с аффиксом сказуемости** образована сочетанием формы на **-быт** и аффикса **-лаах** и выражает значение давнопрошедшего результативного засвидетельствованного говорящим эпизодического времени. Аффикс **-лаах** вносит значение однократности действия, аффикс сказуемости привносит значение засвидетельствованности и повествовательности. Например: *Эн биир муньааха мин эһэбин үөхпүттээххин* — ‘Было, на одном собрании ты деда моего обругал’; *Күтүөтүм Кирилэ биирдэ атаҕын анныгар олорор улары көрбөтөхтөөх* — ‘Было, зять мой Кирилл однажды не увидел глухаря, сидевшего прямо под его ногами’.

1.5. Аналитическая форма на **-быттаах с частицей эбит с аффиксом сказуемости** выражает значение обнаруженного впоследствии засвидетельствованного, эпизодического, давнопрошедшего, результативного, повествовательного действия. Адмиративное значение передается аффиксом сказуемости и частицей **эбит**. Поэтому в составе этой формы расширяется значение результата совершенного действия до момента речи, обнаруживаемое говорящим; расширяется диапазон освидетельствования и усиливается подчеркивание о совершенном в прошлом действии говорящим лицом, как вновь обнаруженном. Например: *Мин Бүөтүрү кытта «Чапаев» холкуоска солооһунна үлэлээбиттээх эбиппин* — ‘Вот, оказываешься, я вместе с Петром работал в колхозе имени Чапаева на раскорчевке’; *Эн норуот өстөөгүн кытта бииргэ үөрэммикит туһунан ситэри кэпсээбэтэхтээх эбиккин* — ‘Оказываешься, ты не полностью рассказал о том, что с врагом народа вместе учился’.

1.6. Форма на **-быттаах с «новым» аффиксом принадлежности эти с аффиксом сказуемости I** образует результативное, эпизодическое, засвидетельствованное давнопрошедшее или относительное время действия. Примеры: *Былыыр-былыр, сир ньуурун үксэ муора уутунан сабылла сылдыбыттааҕа* (Якутская, 1955: 15) — ‘Было давным-давно (было время), когда большая часть поверхности суши была закрыта (закрывалась) водой моря’; *Бачча сааһыгар дылы тыраактар диэни биирдэ, ону да ыраахтан көрбүттээҕэ* (Сысолятин, 1996: 45) — ‘Было до такого (этого) возраста, что такое трактор видел лишь раз, и то издавека’.

Как видно, семантика причастий **-быттаах/-батахтаах** с новым аффиксом принадлежности и с аффиксом сказуемости II в обеих формах одинакова. Они отличаются только привнесенными значениями спряжения: с аффиксом сказуемости II освидетельствование о былом действии происходит в момент речи, возможно, до этого говорящий на это не обращал внимание, хотя о совершенном действии знал; с новым аффиксом «принадлежности» выражается то, что освидетельствованное действие было ему известно уже давно, т. е. говорящий специально подчеркивает, что знал о действии со времени его совершения, так как он был свидетелем того, что действие было совершено давно.

1.7. Форма на **-быттаах эт с аффиксом сказуемости I** выражает в основном те же значения, что и предыдущая форма — значения результативности, эпизодичности, засвидетельствованности действия, имевшего место до момента речи — в отдаленном давнопрошедшем времени либо относительном времени. Например: *Мин оҕо сылдьан манна үөрэнэ сылдыбыттаах этим* — ‘В детстве я, бывало, учился здесь’; *Эн учууталын Федора Алексеевна биэрбит сорудаҕын толорботохтообун* — ‘Однажды, ты не выполнил задание твоей учительницы Федоры Алексеевны’.

Е. И. Коркина предполагает, что спряжение формы **-быттаах I** произошло от формы **-быттаах эти с аффиксом сказуемости I** и она называет их полной и стяженной формами (Коркина, 1970). Г. Г. Филиппов считает, что аффикс, присоединяемый к связке **э-** является древним аффиксом сказуемости, производным от стяжения **э+ти+м (-н, -Ø)**. Он определяется как новый аффикс спряжения, омонимичный аффиксу принадлежности (Филиппов, 2014).

1.8. Форма на **-быт с аффиксом сказуемости I баар/суох** выражает результативное, эпизодическое действие до момента речи, значение, близкое к значению формы на **-быттаах с аффиксом сказуемости I**. Положительный аспект (со словом **баар**) содержит значение прошедшего эпизодического времени: *Саас биирдэ ыһыы үлэтин саҕана бу күөлгэ кус ыта хоммутум баар* — ‘Однажды весной во время посевных работ я на этом озере охотился на уток’.

Употреблением данной формы в отличие от формы на **-быттаах+I** отмечается незаурядность случившегося эпизода, например, когда хотят выразить досаду, возмущение, удивление: *Маайа барахсан бачча дойдуга Даайыһы көрсүөм диэн кэлэ турбута баар* (Софронов, 1927: 73) — ‘И подумать только, бедная Майя из-за одного желания повидаться с Даей приехала (была) в такую даль’. Иногда эта

форма выражает видовой оттенок быстрого совершения действия: *Көрүөн бэтэрээ өттүгэр Арыпыана кыһырбыта баар* — ‘Не успеешь оглянуться, как Агрипина уже рассердилась’.

Отрицательный же аспект (со словом *суох*) такого значения не имеет. *Айыыны абааһы бастаабыта суох* (Худяков, 1969: 66) — ‘Не было того, чтобы черт первенствовал над айыы’; *Урут ууга түһэр киһи биирдэ да итинник хаһытаабыта суох* (Хоттугу сулус, 1944.1: 53) — ‘Раньше (не было того, что) тонущий в воде человек (кричал так) никогда так не кричал’.

1.9. Форма на *-быт с аффиксом сказуемости I баар/суох (а) этэ* выражает подтверждаемое говорящим прошедшее результативное эпизодическое действие. Первая часть аналитической формы указывает на прошлое законченное, завершённое, результативное действие, слово *баар* привносит значение эпизодичности и что действие действительно было совершено единожды, частица *этэ* — значение засвидетельствованности. Например: *Муодарҕаатым ээ, тойоноум. Хаһан мин итинниги истибитим баарай?* (Якутская, 1955: 120) — ‘Вот, я удивился, мой господин. Когда же я мог услышать раньше такое?’; *Эйигин утары сангарбытым суох этэ* — ‘Не было того, что я против тебя говорил’.

Е. И. Коркина считает, что эта форма выражает давнопрошедшее результативное эпизодическое действие: «По значению это то же прошедшее эпизодическое время, только относительно отдаленное от момента речи, отнесенное в плоскость давнопрошедшего времени и, как правило, предшествующее другим прошедшим действиям» (Коркина, 1970: 136).

1.10. Форма на *-быт с аффиксом сказуемости I баар/суох эбит* выражает синонимичное с предыдущей формой значение, выражает засвидетельствованное говорящим как обнаруженное в момент речи результативное, давнопрошедшее совершённое эпизодическое действие. Например: *Көмүһү кистээбитин баар эбит* — ‘Оказывается, (у тебя есть вина, того что) ты прятал золото’; *Куоракка киһирэн иһэн аргыскынаан охсуспутун баар эбит* — ‘Оказывается, ты по дороге в город подрался со своим спутником’.

1.11. Аналитические формы на *-быт/-батах с аффиксом сказуемости I, -быттаах/-батахтаах с аффиксом сказуемости I буолуо* выражают засвидетельствованное говорящим как результативное эпизодическое действие, совершённое задолго до момента речи, осложненное модальным значением предположительности. Например: *Эн кинини көрсөн баран, билбэтэҕин буолуо* — ‘Ты, видимо (возможно), встретившись с ним, (его) не узнал’; *Кини кэлбитэ буолуо* — ‘Он, наверно, приехал’; *Баһылай хаһан эрэ сөмөлүтүнэн көппүттээҕэ буолуо* — ‘Басылай когда-нибудь да, видимо, летел на самолете’;

1.12. Форма на *-быт/-батах* в 3-ем л. ед. ч. аффикса принадлежности в сочетании со вспомогательным глаголом *буол-* ‘быть’ образует модальную форму симулятивности и притворства. Например: *Мөкүрдээнep сымыйанан күлбүтэ буолла* (Доҕордуурап, 1952: 67) — ‘Мякюрдянов притворно сделал вид, что смеется’; *Муостаҕа сонун саптан утуйбута буолара* (Павлов, 1970: 16) — ‘Прикрывшись своим пальто, притворялся, будто спит’; *Остуолларын тула аһаабыта буоллулар* (Омоллоон, 1967: 216) ‘Сидя вокруг стола (бедаолаги), делали вид, будто кушают’.

Таким образом, в якутском языке богато представлены вторичные формы, имеющие в своей основе форму на *-быт*. Они образованы последовательным наращением к ней элементов — лексем *баар/суох*, вспомогательного глагола *буол-*, древнего глагола э- ‘быть’, перешедшего в разряд частиц в застывших формах прошедшего времени (*э-тэ, *э-бит), а также других частиц. Структурные элементы в этих сложных образованиях, сочетаясь друг с другом по внутренним законам синтагматики якутского языка, вносят свою семантику, которая в большинстве своем является еще прозрачной в общей семантической структуре аналитической формы. Их семантика дополняется значениями, вносимыми личными показателями, и в зависимости от типа спряжения выражают разные значения. Семантические характеристики описываемых аналитических форм в сравнении с синтетическими формами на *-быт* приводятся в таблице на стр. 137.

Значимость временной дистанции стирается в последних трех формах, образованных с участием лексем *баар/суох*. Все формы обозначают достоверные действия в прошедшем, кроме формы пере-сказывательности на *-быт үһү*. Достоверность действий достигается благодаря факту наблюдения (прямой засвидетельствованности). Наблюдателем может быть говорящий — в формах с личным аффиксом, восходящим к аффиксам принадлежности и формах с частицей *этэ*. Причем наблюдению говорящего доступен был сам процесс (эпизод) или результат. В формах с частицей *эбит* конкретно не указывается субъект наблюдения, которому оказываются доступны равно как сам процесс действия, так и результат предшествовавшего действия. Последние формы осложнены значением неожиданного обнаружения — адмиратива.

Таблица. Семантические характеристики формы на -быт и вторичных форм с компонентом -быт в якутском языке.

Table. Semantic features of the -byt form and of the secondary form with the -byt component in Yakut language.

Вторичные формы	Семантические характеристики							
	Временная характеристика	Достоверность	Результативность	Засвидетельствованность	Адмиративность	Подтверждение	Эпизодичность	Повествовательность
-быт+афф. принадл.	ПП	+	+	+Г	-	-	-	+
-быт+афф. сказ.2	ДП	+	+	+	-	-	-	-
-быт этэ+афф. сказ.1	ДП	+	+	+Г	-	+	+	-
-быт эбит + афф. сказ.	ДП	+	+	+Г	+	-	+	-
-быт үһү	ДП	∅	∅	К+	-	-	-	+
-быттаах+ афф. сказ.	ДП	+	+	+	-	-	+	+
-быттаах эбит+ афф. сказ.	ДП	+	+	+Г	+	-	+	+
-быттаах+ новый афф. сказ.	ДП	+	-	+	-	+	-	-
-быттаах эт+ афф. сказ.	ДП	+	-	+	-	-	-	-
-быт баар/суох	П	+	+	∅	∅	+	+	-
-быт баар/суох этэ	П	+	+	+Г	∅	+	+	-
-быт баар/суох эбит	П	+	-	+Г	+	+	+	-

Принятые обозначения: ДП — давнопрошедшее время; П — прошедшее время, ПП — преждепрошедшее время; + — наличие признака; - — отсутствие признака; +Г — признак определяется говорящим; К+ — косвенный признак; ∅ — немаркированность признака.

Семантика вторичных форм на базе формы на -ган в тувинском языке

Форма на -ган в предикативной функции является полисемантической, главным значением которой является выражение значения немаркированного прошедшего времени — констатации состоявшегося до момента речи факта совершения действия. Данное значение определяет и употребление этой формы в самых разных типах текстов, когда требуются описание и перечисление неопровержимых фактов высокой достоверности. Она также может выражать и значение «отдаленных» и «сверхотдаленных» давнопрошедших действий, как и якутская форма на -быт.

В отличие от якутской формы на -быт форма на -ган может выражать: 1) значение вневременного действия, констатацию неопровержимого факта наличия некоторого положения дел действительности, актуального и достоверного вне зависимости от времени; 2) воображаемое действие в настоящем времени (Ооржак, 2018: 62-80).

Форма на -ган в тувинском языке входит в состав полусинтетических и аналитических форм глагола. В сочетании с частицей -дыр форма на -ган образует полисемантическую форму на -ган-дыр, также участвует в аналитических конструкциях и формах, в которых оформляет первый компонент.

2.1. Форма на -ган-дыр передает значения:

1) предположения по имеющимся следам и фактам: *Бо мынчаар ийи хире киш чоруп турган-дыр. Эртен бээр кээр бис* (Чадамба, 1978: 129) — 'По этим местам (похоже) ходило около двух соболей. Завтра придем сюда'; *Беш аңчы алды катап боолаан соонда, аң болбайн канчаар ийик, даяланган-дыр, ам барып бараалгаалы, эрлер* (там же: 56) — 'Пять охотников шесть раз выстрелили, скорее всего имеется добыча, (похоже) была застреляна, пойдёмте, парни';

2) в текстах разного жанра и пересказываемости речи: *Уруг-даа шуваланчы кадайга чугаалап олурган-дыр* (из сказки: Бокту-Кириш ..., 1995: 100) — 'Говорят, что девушка (так) рассказывала старой женщине'; *Чөөн-Хемчик районда бир малчын кижы 100 хойдан 162 хураган өстүрүп алган-дыр* (Чадамба, 1978: 80) — 'Говорят, что в Дзун-Хемчикском районе один скотовод вырастил из 100 овец 162 ягнят';

3) адмиратива в разговорной речи: *Номчуттунуп чыткаш, удуп калган-дыр мен* — 'Пока читал, оказывается, я уснул';

4) подтверждения, констатации факта того или иного имеющегося положения дел, совершения исполнения какого-либо действия: *Ам орайтаан-дыр. Хараал көзүлбестеп келди* (Сарыг-оол, 1977: 205) — 'Стало уже поздно. Место наблюдения становится не видным'.

2.2. Аналитическая форма на -ган чүйүк/чүк. Д. А. Монгушем отмечается, что частица чүйүк/чүк сочетается с только так называемыми глаголами 'бытия'¹ со значениями 'быть, жить' в форме прошедшего времени на -ган (Монгуш, 1998; Монгуш, 2009: 148). Образованная «бытийным» глаголом в форме на -ган и частицей чүйүк/чүк аналитическая форма имеет значение категорической достоверности статического пребывания субъекта в том или ином состоянии / положении в настоящем времени как результата действия до момента речи. Рассмотрим примеры: *Мен чугаалап олурган чүйүк мен* (Сарыг-оол, 1961: 60) — 'Я же вот говорю'; *Чеди бурганы башкылар өрээлинде турган чүк* — 'Семь его фигурок бурханов стоят в комнате учителей' (пример фразы и ее перевода взят из: Монгуш, 2009: 148).

По мнению Д. А. Монгуша, сочетание формы на -ган и частицы чүйүк/чүк дает синтетическую форму на -ганчык, функционирующую в речи. Например: *Кайнаар чүктээрин бис билир-ле болгай бис, аппарыт-даа турганчык бис* (Сарыг-оол, 1977: 19) — 'Мы ведь сами знаем, куда (мешки с зерном) относить, мы ведь и таскаем их (как нужно)'; *Дүлгүүр бо чытканчык, канчап көрбедиң* — 'Вот же лежит ключ, как ты не увидела'. Полный анализ семантики формы на -ганчык пока еще не проводился. В системе грамматических форм глагола она еще не имеет категориального статуса.

2.3. Аналитическая конструкция на -ган+тур-(олур-, чор-, чыт-)² является полисемантической. Во-первых, она формирует серию относительных времен в области прошедшего и в зависимости от временной формы, в котором стоит вспомогательный глагол — настоящего, настоящего-будущего или одного из прошедших времен, она выражает значения:

¹ К данной группе относятся глаголы тур- 'стоять', 'жить', 'пребывать', 'быть'; чор- 'ходить', 'бывать', 'быть'; олур- 'сидеть', 'жить', 'находиться'; чыт- 'лежать', 'находиться', 'быть', которые употребляются как самостоятельные, так и как вспомогательные в аналитических формах и конструкциях.

² Здесь глаголы тур-, олур-, чор-, чыт- выступают в служебной функции.

1) эпизодического настоящего действия в прошедшем: — *Ыглава, мээң хураганнар ымыр сен, кызым — деп, Барыңмаа бичии уругну көгүткен тур* (Черлиг-оол, 1990: 54) — ‘Не плачь, возьми моих ягнят, доченька — (как я вижу) уговаривала Барыңмаа маленькую девочку’;

2) эпизодического широкого настоящего времени действия в прошедшем: *А Окпан-оол оларга бодаарга амыр. Школа доостуру билек, бо халып келген турар* (Джунгар, 1996: 14) — ‘А Окпан-оол по сравнению с ними прост. Как только школьный год заканчивается, вот (обычно) он прибегает (к тете помогать) (букв. прибывший бывает)’.

3) эпизодического длительного (продолжающегося) в сфере прошедшего: *Эртежик оттуп кээрге, кудай дагын бораңнаан турган* (Чадамба, 1978: 76) — ‘Когда он проснулся, то опять шел дождь (букв. небо опять дождило)’.

Во-вторых, данная аналитическая конструкция выражает то или иное состояние субъекта в определенном моменте в прошедшем. На момент реализации действия указывают, как правило, обстоятельства времени, придаточное времени или контекст. Например: *Ол аразында ийи хой бо оолдапкан чыткан* (Чадамба, 1978: 70) — ‘Между тем (букв. тот маленький промежуток времени) две овцы огнятились’.

2.4. Аналитическая конструкция на **-ган+бол-** в зависимости от грамматического оформления вспомогательного глагола формирует:

1) эпизодичное действие в широком настоящем времени — форма на **-ган+болур**: *Чүгле аңчылар дыңнаан болур* (Кудажы, 1984: 212) — ‘Бывало, об этом слышали только охотники’ (пример взят из: Шамина, Ондар, 2003: 134);

2) относительное время действия в сфере прошедшего времени с дополнительным значением обнаружения (адмиратива) — формы на **-ган+болду, -ган+болган**. Первая форма выражает ситуацию в прошедшем времени, в которой говорящий судит по наглядному результату совершенного действия: *Хөөкүй ағдым аажок арыпкан болду* (Кудажы, 1984: 175) — ‘Оказалось, бедная моя лошадь сильно похудела’ (Шамина, Ондар, 2003: 137); вторая — ситуацию в прошедшем времени, результат которой засвидетельствован говорящим или 3-им лицом: *Ада-иезинге телеграмма озалдап четкен болган* (Кужугет, 2005: 30) — ‘Оказалось, телеграмма пришла родителям с опозданием’.

Значение симулятивности формируется трехкомпонентной аналитической конструкцией, первым компонентом которой является форма причастия на **-ган**, вторым — вспомогательный глагол **бол-** в форме деепричастия на **-п**, третьим компонентом — глагол в спрягаемой форме (в роли последнего компонента регулярно употребляется и сам глагол *мегелен-* ‘притворяться’ (Салчак, 2004: 50–51)). Часто появляется в структуре данной конструкции слова *кижи* — ‘человек’, *улус* — ‘люди’, грамматикализующиеся в сочетании с причастиями и указывающими субъект третьего лица (см. об этом явлении в: Монгуш, 1983; Ооржак, 2018: 187). Рассмотрим примеры: *Шылаан улус болуп чыдыткан* — ‘Они легли, притворяясь усталыми’; *Ол дүлей кижиле болуп мегеленип олурган* — ‘Он сидел, притворяясь глухим.’

Заключение

1. Тюркское причастие отражает живые процессы развития языка, когда происходят функциональное словообразование и формообразование в грамматической системе языков. Так, вторичные видо-временя-модальные формы, возникшие на основе причастных форм на **-быт** и **-ган** в современных якутском и тувинском языках, представляют собой конечный путь переосмысления причастий от древней глагольно-именной синкретичной основы на современном этапе; показывают направление семантического и формального развития данных причастных форм.

2. На основе причастной формы на **-быт** в якутском языке строится целая разветвленная видо-временная подсистема. Тувинская форма на **-ган** является базой для сравнительно меньшего количества новых грамматических образований с темпоральной и эвиденциальной семантикой.

3. В результате синтетического формообразования в якутском языке образуется новая полисемантическая форма на **-быттаах**, которая спрягается по трем типам спряжения. Она выражает значения эпизодичности действия, результативности и значение давнопрошедшего времени.

4. В результате аналитического формообразования от словосочетания спрягаемой формы причастия на **-быт** с аффиксом принадлежности и имен *баар/суох* «есть/нет» образуется личная форма глагола **-быт+ым баар/суох**.

5. Форма на *-ган* в тувинском языке в сочетании с частицей *-дыр* регулярно передает значения адмиратива и пересказывательности. Она структурно и семантически близка сочетанию формы на *-быт* в сочетании с частицей *үһү*.

6. Аналитические структуры — в якутском языке сочетание формы на *-быт* со связкой *эт-* (это сочетание является более грамматикализированным, чем подобное в тувинском) и сочетание формы на *-ган* с «бытийными» вспомогательными глаголами в тувинском языке — передают значения прошедшего относительного и давнопрошедшего времени. Они имеют тенденцию формирования системы относительных времен, как это наблюдается и в других тюркских языках.

7. Как и во многих тюркских языках, в якутском и тувинском языках отмечаются грамматические показатели, передающие значения притворного действия (симуляции) действия, образованные на базе сочетания причастий *-быт/-ган* и вспомогательных глаголов *буол-/бол-*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бокту-Кириш, Бора-Шээлей: Тыва улустун маадырлыг тоолу [Бокту-Кириш, Бора-Шээлей: Тувинское героическое сказание] (1995) : в 5 т. / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. Т. IV. 224 с. (На тув. яз.).

Доҗордуурап, М. (1952) Аныгы Лонкууда [Новая Лонкуда]. Якутск: Кн. изд-во. 163 с. (На як. яз.).

Дуонгар, М. (1996) Хөлөгелер [Тени]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 112 с. (На тув. яз.).

Коркина, Е. И. (1970) Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука. 308 с.

Кудажы, К. (1984) Танды кежи [Дар тайги]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 218 с. (На тув. яз.).

Кужугет, М. (2005) Идегел [Надежда]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 96 с. (На тув. яз.).

Монгуш, Д. А. (1983) О служебных функциях слов *кижи*, *улус* и *чүве* в тувинском языке // Тюркские языки Сибири : сб. науч. тр. / отв. ред. М. И. Черемисина. Новосибирск : Изд-во Инст. истории, филологии, филологии СО АН СССР. 170 с. С. 12–35.

Монгуш, Д. А. (1998) Частицы как компонент аналитических сказуемых // Языки коренных народов Сибири: сб. науч. тр. № 4. / отв. ред. М. И. Черемисина. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 270 с. С. 122–153.

Монгуш, Д. А. (2009) Тувинский язык и письменность. Избранные труды. Кызыл: ГУП Тыва полиграф. 248 с.

Омоллоон, С. (1967) Талыллыбыт айымнылар [Избранные произведения] : в 2 т. Якутск : Кн. изд-во. Т. II. 496 с. (На як. яз.).

Ооржак, Б. Ч. (2018) Система грамматической модальности в тувинском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Сибири) : дисс. ... док. филол. наук. Кызыл. 507 с.

Павлов, Н. (Тыаһыт) (1970) Кууһума [Кузьма]. Якутск: Кн. изд-во. 88 с. (На як. яз.).

Салчак, А. Я. (2004) Передача значения симулятивности в древнетюркском и в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири: сб. науч. тр. № 14. / отв. ред. М. И. Черемисина. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 236 с. С. 48–52.

Сарыг-оол, С. (1961) Аңгыр-оолдун тоожузу [Повесть о светлом мальчике]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 210 с. (На тув. яз.).

Сарыг-оол, С. (1977) Хүннүн ыраажылары [Певцы солнца]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 442 с. (На тув. яз.).

Софронов, А. И. (1927) Олох дьэбэрэтэ [Болото жизни]. Якутск: ССӨС норуоттарын кинигэ бэчээттиир киин сирэ. 60 с. (На як. яз.).

Сысолятин, И. (1996) Хахыйах [Березка]. Якутск : Кн. изд-во. 276 с. (На як. яз.).

Филиппов, Г. Г. (2014) Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование. Якутск: Издательский дом СВФУ. 607 с.

Худяков, И. А. (1969) Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука. 440 с.

Чадамба, Л. (1978) Чогаалдар чыындызы [Избранные произведения]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 302 с. (На тув. яз.).

Черлиг-оол, К. (1990) Аялга [Мелодия]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 192 с. (На тув. яз.).

Шамина, Л. А., Ондар, Ч. С. (2003) Глагольные аналитические конструкции с первым причастным компонентом в тувинском языке. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та. 242 с.

Щербак, А. М. (1981) Очерки сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л. : Наука. 183 с.

Эристиин, Э. (1954) Талыллыбыт айымнылар [Избранные произведения]. Якутск: Кн. изд-во. 544 с. (На як. яз.).

Якутской, Н. (1955) Көмүстээх үрүйэ [Золотой ручей]. Якутск: Кн. изд-во. 240 с. (На як. яз.).

Дата поступления: 12.12.2019 г.

REFERENCES

Boktu-Kirish, Bora-Shaeley: Tuva ulustun maadyrlyg toolu [Boktu-Kirish, Bora-Shaeley: a Tuvan heroic legend] (1995) / compiled by Orus-ool, S. M. : in 5 vol. Kyzyl, Tuvan book publisher. Vol. IV. 224 p. (In Tuv.).

Доҕордуурап, М. (1952) *Аныгы Лонкууда [New Longkuda]*. Yakutsk, Book publishing house. 163 p. (In Yak.).

Duyungar, M. (1996) *Hølegeler [The shadows]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 112 p. (In Tuv.).

Korkina, E. I. (1970) *Nakloneniya glagola v yakutskom yazyke [The moods of the verb in Yakut language]*. Moscow, Nauka. 308 p. (In Russ.).

Kudazhy, K. (1984) *Таңды кезһи [The gift of the taiga]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 218 p. (In Tuv.).

Kuzhuget, M. (2005) *Idegel [Hope]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 96 p. (In Tuv.).

Mongush, D. A. (1983) О служебных функциях слов *kizhi*, *ulus* и *chÿve* в тувинском языке [About the service functions of words *man*, *people* and *thing* in the Tuvan language]. In: *Tyurkskie yazyki Sibiri [Turkic languages of Siberia]: a collection of research papers*. Ed. by M.I. Cheremisina. Novosibirsk, Publishing House of SB AS USSR. 170 p. Pp. 12–35. (In Russ.)

Mongush, D. A. (1998) Chastitsy kak komponent analiticheskikh skazuemykh [Particles as a component of analytic predicates]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri [Languages of Indigenous Peoples of Siberia]:. A collection of research papers*. No. 4. Ed. by M. I. Cheremisina. Novosibirsk, Publishing House of the SB RAS. 270 p. Pp. 122–153. (In Russ.)

Mongush, D. A. (2009) *Tuvinskii iazyk i pis'mennost': Izbrannye Trudy [Tuvan Language and Writing: Selected Works]*. Kyzyl, GUP RT «Тываполиграф». 248 p. (In Russ.).

Omolloon, S. (1967) *Talyllybyt ajymn'ylar [Featured Works]*. In 2 vol. Yakutsk, Book publishing house. Vol. II. 496 p. (In Yak.).

Oorzhak, B. Ch. (2018) *Sistema grammaticheskoy modal'nosti v tuvinskom yazyke (v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Sibiri) [The system of grammatical modality in the Tuvan language in comparison with the Turkic languages of Siberia]*. Diss. ... Doctor of Philology. Kyzyl. 507 p. (In Russ.)

Pavlov, N. (Tyahyt) (1970) *Kuuhuma [Kuz'ma]*. Yakutsk, Book publishing house. 88 p. (In Yak.).

Salchak, A. Ya. (2004) Peredacha znacheniya simulyativnosti v drevnetyurkskom i v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri [The semantics of simulation in the ancient Turkic and Turkic languages of Southern Siberia]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri [Languages of Indigenous Peoples of Siberia]: a collection of research papers*. No. 14. Ed. by M. I. Cheremisina. Novosibirsk, Publishing House of the SB RAS. 236 p. Pp. 48–52. (In Russ.).

Saryg-ool, S. (1961) *Аңгыг-оолдуң тоозхузу [The tale of a bright boy]*. Kyzyl, Tuvan book publ. 210 p. (In Tuv.).

Saryg-ool, S. (1977) *Үһүнүң ураазһылары [Singers of the sun]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 442 p. (In Tuv.).

Sofronov, A. I. (1927) *Oloh d'eberete [Swamp of life]*. Yakutsk, National book publishing house. 60 p. (In Yak.).

Sysolyatin, I. (1996) *Hahyjah [Birch]*. Yakutsk, Book publishing house. 276 p. (In Yak.).

Filippov, G. G. (2014) *Prichastiya yakutskogo yazyka: kompleksnoe tipologicheskoe funkcional'no-semanticкое issledovanie [The participles of the Yakut language: a comprehensive typological functional-semantic study]*. Yakutsk, Publishing House of Northeastern Federal University, 607 p. (In Russ.).

Hudyakov, I. A. (1969) *Kratkoe opisanie Verhoyanskogo okruga [Brief description of Verkhoyansk district]*. Leningrad, Nauka. 440 p. (In Russ.)

Chadamba, L. (1978) *Chogaaldar chyindyzy [Featured Works]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 302 p. (In Tuv.).

Cherlig-ool, K. (1990) *Ayalga [Melody]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 192 p. (In Tuv.).

Shamina, L. A. and Ondar Ch. S. (2003) *Glagol'nye analiticheskie konstrukcii s pervym prichastnym komponentom v tuvinskom yazyke [Verbal analytical constructions with the first participial component in the Tuvan language]*. Novosibirsk, Publishing house of Novosib. State University. 238 p. (In Russ.)

Shcherbak, A. M. (1981) *Ocherki sravnitel'noi morfologii tyurkskikh yazykov. Glagol [Essays on the Comparative Morphology of Turkic Languages: Verb]*. Leningrad, Nauka. 183 p. (In Russ.).

Eristiin, E. (1954) *Talylybyt ajymn'ylar [Featured Works]*. Yakutsk, Book publishing house. 544 p. (In Yak.).

Yakutskaj, N. (1955) *Komysteekh uryje [Golden stream]*. Yakutsk, Yakutsk, Book publishing house. 240 p. (In Yak.).

Submission date: 12.12.2019.